

Владимир Зантариа

**И мир оскудеет,
когда мы уйдем...**

Стихотворения. Переводы

Сухум
Абгосиздат
2016

ББК 84(5Абх) 6-5
З 25

Зантариа, В. К.

З 25 И мир оскудеет, когда мы уйдем... : стихотворения, переводы / Владимир Зантариа. – Абгосиздат. Сухум, 2016. – 144 с.

В новый поэтический сборник известного абхазского поэта Владимира Зантариа вошли лирические произведения, созданные им, начиная с 70-х годов прошлого столетия. В книгу также включены стихотворения замечательной абхазской поэтессы Саиды Делба, переведенные с абхазского на русский язык В. Зантариа.

ББК 84(5Абх) 6-5

© Зантариа, В. К., 2016
© Абгосиздат, 2016

И остовы погибших кораблей...

Сегодня моря взгляд невозмутим.
И ясен лик, как лик не знавших горя.
Мне не познать того, что знает море,
И тайны не постичь, сокрытой им.

Я знаю, Море, вид обманчив твой.
Что взято у земли – в воде очнется.
И, если, в самом деле, мир спасется,
То лишь в тебе сокрытой красотой...

Я знаю, там, на глубине твоей,
Мерцает глухо амфора пустая,
И остовы погибших кораблей
Неспешно рыба огибает стая.

Перевод Н. Соколовской

По старому следу арбы...

Осторожно ступлю на заре
На поляну, что так зелена!
Как тугим ремешком в серебре
Опоясана Бзаной¹ она.

Одичалый, отпрянет мой конь,
Не узнав в полудреме меня.
Но коснется холки ладонь –
И с каурым мы снова родня!

Жеребенка в траве обласкав,
Грусть-заботу на нет я сведу.
Старый след арбы отыскав,
Речку детства я перейду.

С края поля, издалека
Долетит перестук бубенцов
Буйволиных и голос щенка,
Что почуял во мгле барсуков.

Здесь исток, здесь начало судьбы –
От зари до вечерних теней...
И по старому следу арбы
Мне идти до скончания дней!

Перевод Ю. Лакербай

¹ Бзана – речка в селе Тамыш.

* * *

С Мамзышхи² свежий ветер дул –
И звезды осыпались пеплом.
Свою угасшую звезду,
Мой друг, оплачь с полночным ветром!

У нас и звезд душа одна,
Они, как мы, земляне, тленны.
И ночью нас лишает сна
Тревога за судьбу вселенной.

Когда-нибудь под грузом лет
Она умрет, вздохнув устало.
Звезды угасшей белый след,
Как росчерк древнего кинжала
На валуне, что мхом одет!

Перевод Ю. Лакербай

² Мамзышха – гора в Абхазии.

Тень покойного деда

Качнулась завеса. Раздвинув края
Смертного полога – что там за ним?
Дед мой глядит сквозь очажный дым
Здесь в амацурте. Из небытия.

Кто его выкликнул? Этот плетень,
Перекосившийся? Этот очаг –
Похолодевший? Скорбная тень –
Тусклы глазницы, свет их иссяк.

Переместилась бочком, из угла
Смотрит и некому деда позвать:
Стряпает бабушка, штопает мать,
Сито проворно, проворней игла.

Может быть мне померещилось?
Нет!
В дедовский ватник загробник одет.
В дедовской шапке – лик восковой...
Вот только смотрит... Будто за мной

Видит другого. Узнал, наконец!
Шепчет с обидой: да что ж это вы!
Экий разор... В доме нет головы.
Нету хозяина. Так-то, малец...

Только, мол, вынесли из ворот
В лето бурьяном зарос огород.
Вол запаршивел, акваскю³ снесли.
«Мало вам, что ли было земли?..»

Сам себе трубку набил и к огню
Ближе придвинулся. Горестно смолк.
Крупы коней, де, лоснились как шелк.
Некому справить сбрую коню,

Холка в репейниках – стыд да позор.
Я же на миг отлучился, а вы...
Ордам вконец задичавшей травы
Двор уступили. Предали двор.

Молча, мне так выговаривал дед.
Тот, кто был в дедовский ватник одет.
В дедовой шапке – этот, чужой,
Тень своей тени – весь восковой

Крутится круг неотложных забот,
Светит коптилка – матушка шьет.
Бабушка стряпает, моет посуду –
Будто никто не являлся оттуда.

³ Акваския – абхазский деревянный дом.

Трапезу справят и вновь за дела:
Сито проворно, проворней игла...
Будто не чуют, что тень эта дышит
Вздохами пламя коптилки колыхет...

Перевод А. Марченко

Забывтое слово

Как голыши на темном дне колодца,
Забывтые слова лежат в душе,
И ни одно на боль не отзовется,
А годы мчатся – и я сед уже!

И вывожу я на листочке новом
Ненужные, случайные слова,
И снять пытаюсь ржавчину с былого,
Когда вступает Ночь в свои права.

Не склеить мне Кувшин Вадзамакята⁴,
Что в зряшном споре Нартами разбит.
Я как отшельник за стеною скита,
Прервалась песня – мглоу мир покрыт!

Из ничего ты ничего не сложишь,
Забывто слово – и вновь ты одинок.
И жизнь твоя с луной ущербной схожа
Или с ручьем, что весь ушел в песок!

Перевод Ю. Лакербай

⁴ Вадзамакят – глиняный кувшин братьев Нартов (в форме амфоры), расколотый в результате спора между ними по поводу того, кому он будет принадлежать.

ШВЕЙЦАРСКИЕ МОТИВЫ

В безбрежье памяти моей...

По белому листу закат
Струился в комнатухе – келье.
Прощальный свет ловил мой взгляд
Его последнее мгновенье.

В безбрежье памяти моей,
Как будто якоря спускали,
О шабаше ночных теней
Колокола напоминали.

У этой ночи был оскал
Неведомого людям зверя,
Я свечку ощупью искал,
Чтобы тревожный мрак развеять.

На побережье, на мосту
Все та же толчея людская...
Закат струился по листу,
Мрак, на мгновенье, отдаляя...

Перевод Ю. Лакербай

Средь шумных, древних городов

Как далеко мой отчий кров
И над рекой скалистый берег!
Средь шумных, древних городов
Динаром стертým я потерян.

Столетия казались мне
Мгновением, коротким эхом.
Все это было как во сне:
Гранит дворца и сталь доспеха.

И со стены холодный взгляд
Того, кто был прославлен в сечах,
И полусумрак анфилад,
И догорающие свечи.

Времен далеких лабиринт
И многолюдье древних улиц –
Я этим был по горло сыт,
Я задыхался в этом гуле!

И не найдя себе приют,
Я вспоминал очаг свой тихий,
Скалу, где птицы гнезда вьют,
И куст созревшей ежевики!

Перевод Ю. Лакербай

Вином я черным опьянен,
Кто скажет, как пройти в отель мне?
Монтре, Монтре, ты явь или сон?
Ночных дорог хитросплетенье!

Друзья, вы где?.. Все разбрелись!
Матросом неземного судна
Плыву куда? Где даль, где высь?
В другой галактике, как будто!

«Бонжур!» – красавица из тьмы
Меня приветствует лукаво.
Смущенный, становлюсь немым...
Она уходит... Жалко, право!

Спросил я у плакучих ив,
Где моя пристань в мире этом?
– Блуждай во мгле, покуда жив,
Слепым счастливецом и поэтом!..

И я побрел сквозь мрак ночной,
О прошлом больше не жалея,
И путеводною звездой
Была исчезнувшая фея!

Перевод Ю. Лакербай

Луна и кони

В багровом затишье небес письмена
Табун повторяет трикрат...
Я видел, как кони на гребне холма
Застыли, вращая в закат.

Вот рядом, бок о бок, гнедой с вороним.
Вон белый – дитя облаков.
Кровавое солнце стекает по ним,
Еще не познавшим подков.

Ни кнут их ни жег, ни аркан не свистел,
Ничья не взнуздала рука,
И вечно готовый скакать за предел,
Седок не намылил бока.

Как уголья, тлеет табун изнутри.
Над гривами ветер ночной.
Застыли. И так простоят до зари
В тяжелой росе под луной.

Луна и табун. Наяву и во сне
Витает серебряный прах.
И кони стоят по колено в луне.
И сладкая дрема в ногах.

Бывает от матки по лунной золе
Уйдет несмышлениш рябой.
И хриплое ржанье летит по земле,
И длится ревнивой мольбой.

Затихнет. И снова ни звука кругом,
Лишь угли в глазах скакуна.
И стынут, сливаясь в
пространстве нагом,
До света табун и луна.

Перевод В. Еременко

Округлы и тяжки...

Округлы и тяжки, как донные камни,
Шаги в полумраке. По-над облаками
Сгущается мрак: в беспросветной тиши
Уже наполняют бездонный кувшин.

И меч раскалили: аж бел по краям.
Ероша верхушки по деревьям,
По саду, по лесу проносится вестник:
Держитесь, мол, грянет, и хлынет, и треснет

Небесная твердь. И мы тоже не сводим
Молящего взгляда... И бьет наши души
Озноб покаянья. А ливень все пуще –
Сверкает! Гремит! Очищаясь, природа,

Лютует. Рык гнева. Свой гнев превозмочь
Не в силах гроза, превратившая ночь
В казнь – и сечет, и лупцует огнем
Нечисть... Огнем как господним бичом...

Перевод А. Марченко

Пицунда

Осыпь цветущего персика – розовым из подола.
Утро Пицунды в окне моем вместо стекла.
И рыба в Инките⁵ – как будто абхазский кинжал
Выпал из ножен и блещет... Свежа
Зелень самшита. И древние сосны метут
Небо пречистое. Тихо. Как будто бы тут
Кони не ржали и меч не точила об меч
Сеча. Тысячелетняя сечь...
Остановись! И услышишь и стоны, и звон
Здесь под обломками каменных плит и колонн,
Где швартовались разбойные их корабли, –
Ропот услышишь безропотной этой земли.
Обманчив, Пицунда, престижно-отелевый вид!
Их болью скрутило, твои корневища, самшит.
И там, под землю, и дом наш сожженный, и храм.
И тлен там, и прах. Но и дух несгораемый – там.
Усталые волны. Усталые наши века –
Как четки в руках у изжившего срок старика.
Поблекшая галька...
Но в берег вцепившись, самшит
О том же все шепчет и молча о том же – кричит...

Перевод А. Марченко

⁵ Инкит – озеро в Абхазии.

* * *

Летит в холодной мгле ночной
Усталых птиц большая стая,
Часов настенных поздний бой
Былое мне напоминает...

Над чередой пустырей,
Над расщепленным миной дубом
Бессонных грузных журавлей
Звучат встревоженные трубы.

Шум журавлиных криков смолк
С зарею новой цвета крови...
Но долго я заснуть не мог,
Как будто в чем-то был виновен.

Перевод Ю. Лакербай

Дад, осторожней! Дад, не сорвись!..

– Дад⁶, осторожней! Дад, не сорвись!
Какое! Он и не смотрит вниз,
Ловок и гибок, словно лоза.
А солнце ликует, слепит глаза.

– Там, на вершине, поспел виноград!
Следит за юнцом настороженный взгляд:
– Ох, не сорвись, осторожней, малыш!
Наполовину заполнен амцыш...

– Но те, что повыше, так налились!
Дад, осторожней, дад, не сорвись!
У старого дерева ветки хрупки!
Глядят на мальчишку из-под руки

Оберегающие глаза.
Ползет по трухлявой ольхе лоза.
К солнцу.
– Ох, осторожней, дад!
Но там, на макушке, черней виноград!

Там, где ольха перегнулась дугой!
Там ахардан⁷ и на вкус – другой!

⁶ Дад – обращение старшего к младшему.

⁷ Ахардан – абхазский сорт винограда.

Там, где две черные грозди срослись!
Дад, осторожней, дад, не сорвись!

Амцыш⁸ уже вертится веретеном.
Похоже, и он сиганет за юнцом
Туда, где остались следы ахардана:
На ветке небесной сияют, как рана.

Исстари: поосторожней, дад!
Внуки – рискуют. Деды – хранят!..

Перевод А. Марченко

⁸ Амцыш – конусообразная корзина для сбора винограда.

* * *

Словно листьям, опавшим на смену
Стаи птиц заселяют леса.
В голых кронах звучат откровенно
И пронзительно их голоса.
Для тоски не придумано имя...
И леса продолжают стоять,
Все пытаюсь ветвями нагими
Потемневшее небо обнять.
А весной, блеснув опереньем,
Птичьи стаи сорвутся с дерев.
И, охвачены светом и пеньем,
Деревя зацветут нараспев.

Перевод Н. Соколовской

«Сейчас» – «потом»

Я думал все успеть потом,
Завел для дел я долгий ящик,
И ленью-матушкой ведом,
Я в прошлом жил, как в настоящем.

Нас обезличивали дни,
И мы, привычно лстя друг другу,
Игрушкам заводным сродни,
Неслись по замкнутому кругу.

Не понимая суть вещей,
Зачем гляделись в зеркала мы?
Зачем в плену пустых речей
Мы миражи считали храмом?

Оставленное на «потом»,
Как ливень, быстро забывалось,
А после в сумраке ночном
Душа сомнением терзалась.

И вот уже в который раз
На плечи давит груз бывшего!
«Сейчас» – «потом», «потом» – «сейчас» –
Мне шепчет чей-то голос снова...

Перевод Ю. Лакербай

* * *

Я был беспомощен. Просил
В душе благословенья Бога.
А ветер за оградой выл.
Бредущего ночной дорогой

Он настигал, сбивая с ног.
Одежду разрывая в клочья...
И жалобно скулил щенок
Один среди сиротской ночи.

Там, за оградой, правил страх,
И неизвестность там скрывалась.
Век, уходя, развеял в прах
Надежды... Пустота осталась.

В ту ночь шел дождь, шел снег в ту ночь.
И, погружаясь в тьму раздумий,
Не мог я страждущим помочь.
Не мог оплакать тех, кто умер...

Я был беспомощен. Просил
В душе благословенья Бога...

Перевод Ю. Лакербай

Когда-нибудь

Когда-нибудь умру и стану
Я памятью веков.
Свяжу я новое со старым
Непрочной нитью слов.

Когда уйду, вам Бог ответит –
По сути, я каков.
Теплом души и после смерти
Я примирю врагов.

Надгробье треснет и могила
Сплошь порастет травой.
Но изменить и смерть не в силах
Мой облик, разум мой!

Я буду чувствовать – кружится
Веретено Земли.
И солнце освещает лица
Тех, кто ко мне пришли.

Когда-нибудь уронит свечка
Слезы последней воск.
Воспоминаньем светлым, вечным
Остаться б довелось!..

Перевод Ю. Лакербай

Когда наши дни безмятежны...

Вдруг страшно этих безмятежных дней,
Где равнодушие властвует сердцами,
И, души леденя, встает над нами
Глухой покой, какого нет сильней.

Нехитрой лести доверяем мы.
Бесстрастным и невозмутимым взглядом
Глядим на все, что происходит рядом,
Как бы в тисках неведомой чумы.

В такие дни, как странная игра,
В душе мелькают давние потери.
И разом в бездну за порогом двери,
Как камень обрывается Вчера.

А то бывает: детское в сердцах
Всего сильней. И полон мир отрады.
Судьба ведет, минуя все преграды.
Корабль скрипит. Но нам неведом страх...

Перевод В. Еременко

Пришел он однажды со странным лукавством
во взгляде,
С костяшками четок, лицо принакрыл башлыком.
Его никогда я не видел в подобном наряде,
Но сразу же понял: он хочет предстать стариком.

Оперся о посох и даже стоит еле-еле.
Круги под глазами, землистый оттенок лица.
Вчера еще скрыл бы, что силы его на пределе –
Да, видно, болезни совсем извели молодца.

Не в силах продлить неудавшийся век свой
короткий,
Он хочет, чтоб каждый запомнил его стариком.
Поэтому где-то нашел он старинные четки,
Взял посох и ходит, укутав лицо башлыком.

Перевод С. Кузнецова

* * *

Все прошло. Над бездной речи –
Взгляд потомка.
Словно жернов, тянет плечи
Лет котомка.
На пути встречал без меры
Душ пустынных
В черед парадных серых,
Лестниц длинных.
Гнет бессмыслица, и нет
Страшнее хватки!
Без оглядки дни проходят,
Без оглядки.
Чаек жалобы все те же.
Грязи груды.
И в кофейне тот же шум
И пересуды.
О, поистине достойно
Осмеянья
Наблюдать, как птица просит
Подаянья,
Вспомняв, с душою в споре,
Пусть невнятно:
Чайка в море –
Белый парус в бездне речи.
Жернов дней необратимых
Давит плечи...

Перевод В. Еременко

Нет, не умирает человек

Настанет вечер, чем грустней, печальней –
Тем шире улыбнется человек,
Наступит утро хмурое, и дальней
Дорогой он уйдет от нас навек

Его улыбка скрасит нам унынье,
С его теплом добрее станет злой.
И потому – ушедший – он доньше
Не разлучен с родимую землей.

Жить остается не одно лишь имя,
Живет и он, невидимый для глаз,
И где-то там, под сводами иными,
Он проливает тайный свет на нас.

Перевод Д. Чкония

Петитом в рамке:
«Преждевременно...» или
«После болезни»... В местной газете
Уведомленье: жили, мол, были...
И нет тебя больше на белом свете.

Нет. Не пройдешь уже этой тропкой.
Ни этой ленивой, ни той торопкой.
Не тронешь губами влажных соцветий.
Четыре строки в равнодушной газете...

В траурной рамке четыре строчки...
Ушел, не дождавшись лопнувших почек.
В час, когда саду снилось цветенье.
Шаг – и сомкнулось Море Забвенья.

Ушел, не простившись – туда, откуда
Нет возвращенья. А в сосудах,
В жилах кровь земли обновлялась,
Разогревая землю, толкалась...

«Светлая память...» Все той же краской
И тем же шрифтом – двойная дата:
Родился – умер. А свет не гаснет,
Свет, что тобой был зажжен когда-то.

Перевод А. Марченко

* * *

Зори, зори Амзары...
Одинокой чайки оклик.
Вздых проснувшейся горы.
И распахивает окна
Легкий взмах крылатых штор.
Лишь один пленяет взор
Цвет – амзарского рассвета,
В мире нет иного цвета –
Перекрасил крылья штор
Кистью розового света.

Зори, зори Амзары!
Крик отбившейся от стаи
Чайки Розового края
Край – от моря до горы.
Зори, зори Амзары...

Перевод А. Марченко

* * *

Так ясен неба лик!
Так явен солнца дух!
И не опишешь вслух,
Как нежен пух травы.

Нарушить тишину
Вольна пчела одна.
Еще с утра она
Летит своим путем.

Гудение ее,
Как бы блаженства глас:
Душою я не раз
Ходил на этот зов.

Как ясен неба лик!
Как явен солнца дух!

Перевод В. Еременко

Сокровенное...

Ночью, когда в тишине слышно,
Как лезет из земли травяная жила,
Когда различаешь воочию,
Как время усмехается твоим потугам,
Когда тяжелые волны мрака
Смыкаются над тобой,
Когда липкое безмолвие
Сковало тело, и удары сердца
Отдаются в ушах, подобно грому,
Когда тиканье ходиков на стене
Напоминает звон наковальни,
Когда в пугающей глубине ночи
Украдкой вьет гнездо новый день,
Когда луна, присев на карниз,
Заглядывает в твоё окно
Сквозь щель занавесок,
Когда на донце чашки, как на ладонь,
Роняет последние слезы
Восковая свеча,
В безмолвии, когда ни звука вокруг,
Тревожное пламя озаряет
Древний облик твоей земли
И дрожит, истончаясь,

Словно тысячетняя боль
Бесконечной бессоницы,
В этот час мерцанье полуоплившей свечи
Напоминает огонь в очаге отцова дома,
И ночь принимает твою исповедь...

Перевод В. Еременко

Еще плывет пятнистая форель...

Еще плывет пятнистая форель...
еще летит олень тропой кремнистой,
еще бежит река лощиной мгlistой,
еще слышна бессонной птицы трель,
еще в земле мерцают семена,
еще моря хранят себя от скверны,
еще благие небеса безмерны,
и звездами любая ночь полна...

А вдруг все это сон...
Все сметено,
и бытие искажено страданьем,
и смерть одна царит
над мирозданьем,
и будущее ужасает...

Но –
еще плывет пятнистая форель,
еще летит олень тропой кремнистой
еще бежит река лощиной мгlistой,
еще слышна бессонной птицы трель...

Перевод Н. Соколовской

Гость

Помню двор зеленый... Под пятой светила
Добрый стол старинный крепок древним телом...
Помню, мать, смутившись, к гостю выходила
С марким, как пороша, полотенцем белым.

Хлопая под ветром, простыни тугие
Впитывали жадно солнце без опаски.
Как благоухали нега и стихия
В толчее крахмальной у перил акваски!

И на встречу гостю молча выносили
Мы воды студеной в запотевшей глине.
Отцветала груша в благодатной силе
И звезда висела каплей на кувшине!

Млея изумленно, по глазам читали:
Гость смывал усталость сладостной остудой.
На траву под ветром тихо облетали
Белые одежды груши полногрудой.

Плавал над землею птичий гомон влажный.
Хлопотала мама с неторопью ладной.
Обжигая ноздри, сладкий дым очажный
Шествовал по крыше кухоньки прохладной.

Духа амацурты, солнечного гама
В памяти невольной драгоценна ноша:
Гость идет к порогу, и навстречу – мама,
С белым полотенцем, чистым, как пороша...

Перевод В. Еременко

Пойду за волною,
И стану душой одинокой.
И берег за мною
Затянется мглою глубокой.

До края зари
Мирозданье покоящий полог
Пройду изнутри.
Но покой этот будет не долог.

Очнется от сна
Глубина, исторгая волнение.
И грянет волна,
Растирая песок и каменья!

Под хохот зыбей
Мое сердце забьется, как птица,
Чтоб болью своей
Во всеобщей судьбе утвердиться.

Пусть пламя не канет,
Отдавшись счастливой минуте,
Иначе не станет
Для сердца ни цели, ни сути.

И время за мною
Затянется мглою глубокой...
Уйду за волною
И стану душой одинокой...

Перевод В. Еременко

Бабушка

Я в ее глазах усталость заметил:
Вот глядит во тьму потускневшим взглядом.
Знаю, что ушла, нет ее на свете,
Только оглянусь – и увижу рядом.

Под лучами звезд в поредевшей кроне
Сумеречный скрип: жернов знает дело...
На ветру во тьме огонек в ладони –
Как ее глаза пламя потускнело.

А мороз – сильней... И одна в природе
Чувствует она: нестерпима мука.
Через перелаз тихо переходит,
Не имея сил вымолвить ни звука.

Мутной глубиной небо насаждает.
Ветер шевелит скомканные пряди.
Медленно бредет, легкая, седая.
Ноша на плечах и печаль во взгляде.

Сколько лет прошло, как ушла из дому,
Но опять на зов жернова ночного
Медленно бредет. И опять сквозь дрему –
Вздых ее и стон ветра ледяного.

Липкий снег упал на щеку и тает.
Вновь ее зову с нежностью горячей.
Только годы в пыль жернов растирает,
Да чадит во тьме фитилек незрячий...

Перевод В. Еременко

* * *

Родник в горах – вот мое сердце...
И, чтобы жажду утолить,
Спускаются джейраны, серны
Пугливые – здесь воду пить.

Она – бескрайняя долина,
Где топот яростных коней,
Их ржанье, взмыленные спины
И свист арканов – все слышней.

Ты, сердце – море без покоя,
Где парус белою фатой...
А, может, небо ты ночное,
Средь тысяч звезд – одной звездой...

Перевод А. Коркиной

* * *

Словно пустующие багеты,
Смотрели в ночь мои окна.
А утром я раскрыл их, и словно
Только и ждали этого мига
Все неприютные
Бабочки,
Пчелы,
Заблудшие птахи
И лепестки несравненные
Персиков ранних.
Только тогда мне шепнула душа
Что весна наступила...

Перевод В. Еременко

Забудусь – и видится: мост над Кодором...

Памяти Виталия Лакрба

Родник роднику улыбнется, и кипень
Улыбки запляшет, вьясь меж камнями.
Скажи, отчего так и рвусь к этим диким
Местам, и кружит над семью родниками

Душа? Ведь я болен почти от пасхальной
Идилии, где, как рисунок наскальный,
Вонзилась в мишень хладноструйная пара:
Слева: Сакен, справа – Омаришара?

Забудусь – и видится: мост над Кодором
Исподницей грубой крестьянской ладони
Мне застит глаза, я зажмурюсь... и кони,
И всадник взлетает по осыпи горной.

Туда, где арканом горе горловину
Стянуло, но смех ледяных родников
Как прежде хрустален...
А вой на чужбину

Роком гонимых и стон их шагов
Слышишь? Орлами вьются у скал

Годы... Ажара... Дал... и Цабал...⁹
Безлюдь – как после набега – облавы!
Лишь беспризорные буйствуют травы.

Единолично владеют. В колодцах
Камни крошатся. Пуста коновязь.
Где землешапец? Где воин? Где князь?
Безлюдь. На голос не отзовется

Голос... Не скажет тебе по-абхазски:
«Гостем да будешь...» Гляди-ка, акваски!
Полуприжавши к окошкам окошки,
Чтобы по крышам, как в древности кошки

С крыши на крышу переступая,
Как по ступенькам, спускались к краю,
Краю земли и началу воды...
Глянь по тропинкам беды и вражды

Новые тропы, почти не касаясь,
Незаживающих ран ножевых,
Ищут живые жильё для живых,
Ищут, и в гласных не ошибаясь,

⁹ Сакен, Омаришара, Ажара, Дал, Цабал – название местностей в Абхазии.

Ажара, Лата, Дал и Цабал –
В гору, с горы ли сбегая, твердят
А раны земли все болят и болят.
Не смоем их сель. Не засыпет обвал.

Перевод А. Марченко

Непрерванный полет стрелы

Ржавеют ружья старые в земле,
Но пули их свистят с былою силой,
И города в морской уснули мгле,
Но время их от нас не утаило.

Орлы себя в полете извели,
Но шелест крыл доносится доселе.
И злобным ветрам, воющим вдали,
Еще создать преград мы не сумели.

Следы коней крылатых сушит зной,
Но жизнь их длится в ржании беспечном,
Герои спят под крепостной стеной,
Но стрелы их летят в полете вечном.

Перевод Д. Чкония

Солнце, отсияв на небосклоне,
Кануло в морскую синеву.
Приземлился на моей ладони
Первый лист, покинувший листву.

Лишь тогда я понял, что внезапно
Наступила осень,
Что пора,
Что пора познания – не завтра,
А сегодня, если не вчера:

Как мы часто звездными ночами
О делах восторженно печась,
В суете часов не замечали
Мимо нас летящий Звездный Час...

В мае мы грустим о листопаде,
Летом – о морозном серебре,
Поутру мечтаем о закате,
Вечером – об утренней заре.

Но сейчас – над бездною осенней –
Убежав раздумий и сомнений,

Я хотел бы, солнечен и чист,
Как в блаженнейшем из снов, бессонно,
Тихо-тихо лечь на землю, словно
Этот палый пятипалый лист.

Перевод В. Краско

Шел снег

С утра шел снег, неожиданный, непривычный,
И все вокруг, куда бы ты ни бросил взгляд,
Меняло свое давнее обличье:
Причал и церковь, и забытый старый сад.

С утра шел снег, неожиданный, непривычный...

Гора Баграта – верхотура птичья,
Мосты и парки обновляли свой наряд.
И в эту рань на улице столичной
Я улыбался всем и всем был словно брат!

С утра шел снег, неожиданный, непривычный...

Он все смягчал, стирал он все различья,
Иные времена нам этот снег сулил.
Надеждой окрылен, я с колеи обычной
Свернул и новый путь себе я проторил!

С утра шел снег, неожиданный, непривычный...

Перевод Ю. Лакербай

Память глубока – не войти...

Память глубока – не войти
В будущем сбивается шаг...
Между двух времен на пути
Замерли... И робость в глазах.

Прошлого в грядущем печать–
Как бы это знать наперед...
Если нечего вспоминать,
Тяготит беспамятства гнет,

Но встречает утро душа,
Насыщает памятью взгляд...
Между временами, шурша,
Пущенные стрелы летят...

Перевод В. Еременко

Апсарская башня

Схлынул враг. Застыло время.
Красноватый плющ клубится,
Впившись в каменные щели.
Как последнего абазга
Обожженные глазницы
Ждут бойницы цитадели.

Только ветер мне да ливень,
Да молчание восковое –
Зябну, двинуться не смея.
Словно пламени мерцает
Язычок над головою,
В бесконечной ночи тлея.

Все летит стрела без цели,
Свист разбойный сея даром,
И пристанища не знает.
Осажденная пожаром,
Над пустыней колыбели
Колыбельная пылает!

Мрак повсюду. Мрак и ливень,
Словно ночь от слез ослепла.
Мать оплакивает сына...

Сколько б лет не миновало –
Все, что было слез и пепла
Помнит вещая руина...

Перевод В. Еременко

* * *

С утра хандрю. Не веселит волна.
По-матерински ласков ветерок:
Гадает, чем душа угнетена,
Прильнул к груди, но угадать не смог.

Чего гадать, когда уйдет печаль,
Едва замкнусь, как в детстве, одинок,
Весенний день согреет невзначай,
Положит коврик солнечный у ног.

Как хорошо укрыться одному
И самому гореть в своем огне.
Я не скажу ни слова никому.
И слов пустых никто не скажет мне...

Перевод В. Еременко

Отсюда все вокруг – как на ладони.
Мой мир в моем окне – в пустой глазнице.
Две нитки рельсов, словно два кинжала,
Пересекают сердцевину Аквы¹⁰.

Я чувствую, как наступает город,
Переполюня молча, как опара,
Свои пределы. К самой Гумисте¹¹
Людей прижали камень и железо.

Вот снова кто-то прежний по привычке
Вдавил пространство в мертвые углы
На ватмане. О, как сладка безликость,
Когда она оправдана привычкой!

Живу на грани Аквы и Ешеры¹².
Под утро – кочет! К ночи табуном
Придут под окна брошенные кони.
И снова их мучительное ржанье
Растает в криках поезда ночного...

¹⁰ Аква – столица Абхазии.

¹¹ Гумиста – название реки.

¹² Эшера – абхазское село.

Сквозь шум дороги, бульканье и скрип –
Унылый глас лошадок одичалых,
Что, заблудившись в каменной чащобе,
Оплакали и город, и деревню.

И снова крики поздних поездов!
И снова солнца петушиный гребень!
В моем окне. И снова тишина
Зеркальной склянкой хрустнет под ногами.

Я наблюдаю, как железный коготь
Корежит то, что чудом уцелело,
И паводком бетонным сушит город

Перевод В. Еременко

Песня

От слез задыхаясь, ее мы пели,
Но только она обещала спасенье:
Не было кроме нее утешенья,
И души, готовые растеряться,
И сердца, что могли разорваться,
Как наконечники стрел – каменели.

Коней оседлав, подтянув подпруги,
В древние нас облачала кольчуги,
Как ашхардац¹³ – утешала боль,
Хлеб наш с нами делила. И соль.
Ночи бессонные коротала.
Мучилась – с нами. С нами – страдала.

Из песни пришли мы. И в песню – уйдем.
Но только тогда, когда все допоем.
Прочен народ, если песня – жива.
Прочен, покуда напев и слова
Внятны ему. Не мешайте же петь,
Песни, с которыми шли мы на смерть.

Перевод В. Еременко

¹³ Ашхардац – целебная настойка из горных корней.

За окном всю ночь проплакал ветер...

За окном всю ночь проплакал ветер,
Меж холодных стен метался он,
И, как птица, пойманная в сети,
Сердце, маясь, издавало стон.

– Вот звезда навек заходит, тлея,
Но рукою трепетною тронь–
Озаряясь, золотясь, алея,
Целый мир вместит моя ладонь...

В этот миг и я с рассветом новым,
Не омыт слезинкою беды,
Вспыхну жарким заревом багровым
И продлю свечение звезды.

И туман – дыханье ночи лунной,
Влажный вздох, стихающий вдали,–
Как фата с лица невесты юной,
Он спадет с лица моей земли.

В синеве рассветной выцветая,
Догорит прощальная звезда,
Так и я когда-нибудь растаю,
Пепел сердца своего смешаю
С брызгами речными навсегда...

Перевод Д. Чкония

Как тягостно ни плакать, ни молиться...

Как тягостно ни плакать, ни молиться,
И вдруг понять, что жизнь не состоится,
Когда томит пустая благодать,
И каждый шаг готов тебя предать...

Как тягостно, когда представишь живо,
Что нет пути, и что надежда лжива,
А дни полны обманчивой бравады,
Одев дыханье в яркие наряды...

«Как все прекрасно, как благоуханно!»
Произнести такое было б странно.
Лишь тот сыновней участи достоин,
Кто муками земли обеспокоен...

Приникнув в полдень к струйке родниковой,
Ликую в детской радости безбровой,
Но лить елей на дорогие камни,—
Такая роль, поверьте, не близка мне.

И свет с небес. И родники прохладны.
Но души без волненья безотрадны.
Моя земля ладьею одинокой
Плутает в ране времени глубокой...

Перевод В. Еременко

Мой черно-белый мир

Я раздвигаю шторы по утрам,
Зашториваю окна вечерами,
На день и ночь, на свет и тень
Мой мир раздвоен пополам.

Порой бывает день темнее ночи,
Бывает ночь яснее солнечного дня,
Тому, кто в безвременье не порочен
В миру иным дорогу в рай пророчит.

Я раздвигаю шторы по утрам,
Зашториваю окна вечерами,
Мой черно-белый мир мне снится по ночам,
А днем я снова с ним воочию.

Я раздвигаю шторы по утрам,
Зашториваю окна вечерами,
За черной шторкой – белая зима,
За белой – черный ворон в зазеркалье.

Я раздвигаю и сдвигаю шторы –
Мой черно-белый мир по-прежнему суров...
Тому, кто в безвременье не порочен
В миру иным дорогу в рай пророчит.

Я раздвигаю шторы по утрам,
Зашториваю окна вечерами,
На день и ночь, на свет и тень
Мой мир раздвоен пополам...

Перевод Л. Аргун

У синей Рицы

И прорастают, дырвя граниты –
Убежище – зверю, пристанище – птице.
Осколком кремня земля самшитов
Как на ладони. У синей Рицы,

В глаза ей глядя, мы вдруг запели
Колыбельную махаджиров¹⁴.
В четверть голоса – хором, как миром.
А Бзыбь тащила от мели к мели

Вечные глыбы. И жгла мне щеки
Песнь над мертвым дитем рыдала,
Труп, прижимая к груди, качала...
В этих самшитах, у синеокой

Рицы... И холодом скальных ущелий
Душило наивный напев колыбельной...
Мы пели, и, словно, сквозь частое сито,
Процеживал песню подлесок самшита.

Мы пели. Нам вторило сильное эхо
Нам обреченные подпевали.
Сквозь мрак столетий, сквозь все помехи
Их хрип и крики нас догоняли.

¹⁴ Махаджиры – изгнанники.

Огонь полыхал, и трещали поленья
И сыпались искры, испепеляя,
И пепел пропавшего поколения
В сумрак сгущался, нам помогая...

Перевод А. Марченко

Памяти Владислава Ардзинба

Промозглый март. Земля скорбит.
Сердца изранены... Знобит.
Добром и светом нам воздав,
От нас уходит Владислав...

Прощается с великим сыном
Народ, чей дух неистребим...
Мы боль утраты пересилим,
И веру в вечность сохраним!

Пусть с гордой Бзыби¹⁵ едут старцы!
С Кодорских весей – мужики!
Теснее встаньте вновь, абхазы,
Невзгодам новым вопреки!..

И пусть поют теперь «осанну»,
Те, что кричали: «Уходи!..»
Мы скажем: «Слава Владиславу!»,
И он, как прежде – впереди!..

Мы скажем: «Слава полководцу!»,
И встанут все ему под стать!
И за Священную Свободу
Готовы воины жизнь отдать!

¹⁵ Бзыбь, Кодор – название местностей в Западной и Восточной Абхазии.

И с Владиславом встанут рядом
Кавказа вольные сыны.
И присягнут они на верность
Тебе, свободная Апсны!

И возродится дух мятежный,
И вновь продолжится борьба!
В час испытаний, как прежде,
Нас всех опять сплотит судьба!

Вот караул почетный замер,
Сухум в безмолвье погружен.
И залита земля слезами,
И сиротливый слышен стон...

Мы, молча, землю поцелуем
У Гумистинского моста...
Мы скажем: «Владислав бессмертен!»
Нам будет вторить Гумиста!..

Мы перетерпим боль и горе,
Как в час беды, теснее встав!
Нам будут вторить наши горы:
«Уходит в вечность Владислав!..»

Сухум, 6 марта 2010 г.

Перевод автора

Лучи воспоминаний

*Светлой памяти выдающегося борца
за независимость Абхазии Т. П. Шакрыл*

Солнце безжизненный свет излучает,
Крупницу надежды в душе берегу.
Иду по следам ... И, не знаю, не знаю,
Как мне развеять грусть и тоску...

Взгляд мне мерещился в мареве времени,
И голос я слышал – совсем неземной.
Тишину охраняя, поступью мерной,
Шла она берегом поздней зимой...

Тихая пристань... Держась за перила,
Стоит и молчит. И взгляд ее свят.
И видно, ей раны души бередила
Тревога за родину:
Нет мира опять...

Был путь ее труден, тернист и извилист,
Она хладнокровию учила в борьбе.
С жизнью она, как с друзьями простилась,
Ответив суровостью духа судьбе.

Слишком молоды мы... О, друзья, помолитесь!
Мы на шатком мосту, без перил, без опор.
Тамара – пророк наш! Наш ангел- хранитель!
Для иных – неразгаданный мир – до сих пор...

Иду я за нею, и давит на плечи,
Безвременья бремя. С пути не сверну!
Шла она поступью мерной в тот вечер,
Шла берегом тихо... Ласковый ветер

Шевелил
осторожно
ее седину...

Сухум, 2005 г.

Перевод автора

НА ЗЫБКОЙ ГРАНИ ДНЯ И НОЧИ...

Свободные стихи–раздумья

Отголоски ночной тишины

Меня сморил сон.
Медленно роняю голову
В подол усталой матери
И слушаю морозный хруст за окном.
Там, у частокола, в углу двора
Понуро стоит наш старый конь
Мордой– в ночь...
Весь заиндевелый стоит во тьме,
Чуть подогнув переднюю ногу.
А здесь тихо.
Шипят сырые поленья,
И белая тень пламени
Танцует на земляном полу.
Мать отложила
Мои перелатанные штаны,
Ласково коснулась волос.
Полусонный,
Заглядываю в глаза огня,
Слышу, как потрескивают
Обледенелые рамы.

Во тьме, на ветках дикой черешни,
Заложив голову под крылышко
Дремлют сейчас
Наши задичавшие куры...
Глаза мои слипаются.
В уютных щелях
Моноotonно стрекочут сверчки.
На земляном полу
Танцует трепетная тень пламени,
И я сквозь сон тревожусь за Нашу
Тишину...
Хриплый лай взбешенной собаки
Раздается в этот миг!
И Блаженное Безмолвие
Разлетается на куски....

Перевод В. Еременко

У могилы поэта...

У могилы поэта-волонтера
Александра Бардодыма
Новый Афон (Абхазия)

...Тебе лежится тихо здесь, поэт-боец...
Смерть ничтожна
Перед памятью неизбывной.
Поздней ночью,
Вырвавшись из плена сна,
Привстань и скинь с себя,
Как черную бурку,
Мрак ночной!

Вот сорвалась звезда
И летит навстречу
Своей смерти ...
Ты, как Апостол,
Руки воздень, Александр!
Если вдруг, споткнешься,
Дух Апсар-Горы¹⁶
Тебя спасет...
Гора Священная
Над тобой –
Как Вечности
Монумент...

¹⁶ Апсар-Гора – священная гора в Новом Афоне.

Встань, Поэт-Волонтер!
Посох в землю вонзи!
Поправь свой белый башлык!
Ты – гордый горец,
Идущий против огненного
Шквала...
Путей не видно...
Столетие тонет
В неизвестности.
Разбитые Надежды –
Словно осколки
Древних колоколов...

Вот поэт воздевает руки
К небу!
Прозорливым
Апостольским взглядом
Росчерк свой оставляет
В небесах!
Вот, уже скоро забрезжит
Рассвет
Над Псырдзхой!¹⁷
Испепеляются звезды,
Как чьи-то судьбы...

¹⁷ Псырдзха – местность, где похоронен Александр Бардодым, сражавшийся за освобождение Абхазии в 1992 г.

Пора уже, Воин-Поэт!
Привстань, превозмоги ты боль!
Вскочи на коня, как прежде!
Встань на золотые стремяна!
Псырдзхи бодрящий ветерок
Твои раны залечит мгновенно...

Твои песни подхватят
Твои друзья, Александр!

Пришпорь ты коня своего лихого,
Поэт!
Вон, реет над тобой
Знамя свободной Апсны!¹⁸
Вот, так, Александр,
Вот так!
Вырвись вперед!
И стихами своими
Пробуди нам сердца!

Ты рожден и погибнешь
В середине Земли,
Иноходью красивой
Ты весь мир покори!

¹⁸ Апсны – абхазское название Абхазии, что означает «Страна души».

Оторвись от Земли,
Вознесись к Небесам,
И росчерк свой,
Как молнии зигзаг ослепительный
На небесах оставь ты
Навеки!!!
Навеки!!!

Перевод автора

На зыбкой грани дня и ночи...

Вот уже скоро
Время перевалит за полночь...
Освобождается город
От громкой суеты дня,
Словно от шума
Ста мельничных колес...
Слышу,
Как тоскливое безмолвие ночи,
Вдруг, нарушается
Тревожным, плачущим
Лаем
Собак...

Словно старый корабль,
Уцелевший от урагана,
Стоит мой дом, погруженный
В пугающую глубину ночи...
Ржавым якорем
Опускается медленно
На дно моей памяти
Тяжкий груз ушедшего
Столетия...

Молчанием
Завершил я строку,

Родившуюся на зыбкой грани
Дня и Ночи,
Печальным, протяжным
Молчанием...

Освобождается город
От громкой сутолоки дня,
Словно от шума
Ста мельничных колес...
Словно от перестука
Ста огромных
Изношенных
Жерновов...

Сухум, 2005 г.

Перевод автора

Когда уже прожито полжизни,
А разум процеживает
все, что пережито нами,
Мы начинаем понимать никчемность того,
Что успело перекипеть и остыть в нас...

Бывает так: устав от суеты,
Зло от добра
Порой отличить мы не можем...
В пугающем хаосе дней и ночей
Рядятся в одно облачение
И Спасение, и Гибель...

Увы, слишком поздно наступает
Час прозренья...
Теперь уже пытливей улавливает взор
Следы случайного (недолговечного), –
Уплывает, словно старый корабль,
Наше Время...

Видно, другим суждено
Пойти по нашим следам,
Переворошив все в памяти...
Все наши прорехи (огрехи)...
Все, что мы недоглядели,

Видать, другим суждено восполнить...
И, как очищенное от шелухи зернышко,
Время обнажит
Голую суть бытия .

И, покидая этот суетный мир,
Всхлипывая в душе,
Воздев руки к небу,
Произнесем мы – мучимые судьбой:
– О, Всевышний!
Не омрачи наш последний день!
– О, Господи!
Спаси наши души!..

Перевод автора

Молчание братьев

*Памяти братьев, погибших за свободу
Апсны (Абхазии) в 1992–1993 гг.*

С братьями я разговор веду во сне,
В их глазах – усталость вековая.
Вот, встретились они
В нашем дворе однажды,
Сидят молча,
Опустив печально головы...

– Ну, как дела? Что скажете, братья? –
Молвлю я, нарушив тишину.
В ответ: леденящее душу молчание, –
Словно вовсе и не помнят они меня...

Не снимут братья с плеч
Оружия...
Поседели их бороды
раньше времени...
Как мне хочется взбодрить их
Добрим словом!

Но вижу: не в силах они
Усталость превозмочь...
Потом уходят,
Оставив двору

Молчание и мрак,
Слышно глухое хлопанье
Старых ворот.
Их шаги тонут
В сумерках.
Пустеет двор
И опять я наедине с собой –
В келье глубокого
Одиночества...

– Ну, как дела?. Скажите, братья? –
Я сам с собою говорю
Вполголоса.
Ночь моей Памяти
Холодна, пуста,
Тяжела, как глубокое безмолвие
Моих братьев,
Шагнувших
В Неизвестность...

Их уход бесконечен,
Как сама Бесконечность!..
Тонут в сумерках
Их тяжелые шаги...

Перевод автора

Все окутано тайной в этом мире,
– Что нас ждет? – вопрошаем мы,
Гадая на кость жертвенного быка,
Нет победивших, нет проигравших,
Мы все вернемся вновь

к своим золотым истокам...

Ночью доносится чей-то тревожный голос:
– Остановитесь! Куда вы несетесь? Опомнитесь!

И заметил в тот миг я во тьме,
Как страшным вихрем пронеслись
Неизвестные на одичалых конях ...

– Оста-но-ви-тесь! –

Доносится раскатистым эхом Зовущего Глас,
Но, увы, до тех, кто вихрем пронесся,
он не доходит...

«Остановитесь!..»

Совладать с собой не в силах,
Несутся вскачь безумцы...

Ночь глуха...

Заметает пурга...

Кто мы? В беспощадном круговороте
Времен?

– Что нас ждет? – вопрошаем,

Гадая на кость жертвенного быка?

Перед вечностью – словно сновидение,

Проходит эта бессмысленная суета и
 возвращаемся мы все к истокам
 СВОИМ ЗОЛОТЫМ...
– Остановитесь, – слышен чей-то голос,
Заглушаемый
 неистовствующей
 пургой...

Перевод автора

Словно прося отпущения грехов...

Мы высоко воздвигли монументы,
Не скупясь на бронзу и на мрамор...
Но стали мы совсем другими,
Совсем не те слова друг другу говорим.
Подходим к монументам, разделившись порознь,
Идем, словно прося отпущения грехов, –
Блюдя ритуал, возлагаем цветы,
И вновь окунаемся в свою же обыденность...
Идем, словно чего-то боясь, робкими шагами,
Видно время меняет наши взгляды.
Мы высоко воздвигли монументы,
Но сами стали ниже и ничтожнее пред ними.
Монументы устремились ввысь,
Отмежевались мы от них
тяжелыми цепями...
Увы, совсем другими стали мы,
Уже не можем мы излить друг другу душу...
И цепи упадут, изъеденные ржой,
Мы уйдем, придут совсем другие...
У монументов облик строг, как прежде,
Как к святылищам
Мы подходим к ним.
Прочен мрамор,
Прочен олова и меди сплав,
Но стали мы совсем уже другими...

Навеки в землю монументы внедрены,
Но блекнем мы,
Как тени прошлого
Перед ними...

Перевод автора

Однажды вечером, сидя на балконе,
Дрожащими морщинистыми руками
Насыпала семена в мешочки
Согбенная старушка...
Шепча молитву, прося благословления,
Она прятала мешочки куда-то,
Дорожа семенами...
– Если я не успею,
Другие их посеют,
Как только наступит оттепель весенняя, –
Говорила она про себя,
Пряча маленькие мешочки, как нечто заветное
(сокровенное) в ящички...

Вот так, дорожа семенами,
Завязывала она узелочками
Маленькие матерчатые мешочки... –
Согбенная старушка...
Кто знает? Кому суждено развязать
Мешочки с этими зернами
С наступлением весны?...
С наступлением оттепели,
Когда вновь набухнет земля...

Перевод автора

Старый колодец...

Давно уже засыпали землей
Наш старый колодец,
Но не сходят с моих глаз
Зеленые папоротники, прораставшие
Сквозь щели каменных стен колодца...
Часто во сне я достаю из него воду,
Мерзнущую в граненом стакане...
Давно уже засыпали землей
Наш старый колодец,
Но чудится мне порой,
Как и прежде, в детстве,
Листья шелковицы,
Плавно кружась в воздухе,
Осыпаются в наш глубокий колодец...
Давно уже засыпали землей
Наш старый колодец,
Давно я не пил,
Как в детстве,
Воду из колодца,
Леденеющую
В граненом стакане...

Перевод автора

В этом мире все было испытано, изведено,
И кто бы мог удивить нас
Неслыханным словом, жестом?
Но шли мы, презрев все старые догмы,
Все приевшееся,
Нас тревожила бесцельность нашей цели...
Велеречивость слов. Соблазны славы...
Служебной лестницы
Обманчивый извив,
Все это было. Прельщало положение...
Чудилось, будто Сезамские ворота
Открывались взору...
Шло время.
Слишком рано остывал
Наш пыл.
Флер высокопарных слов
Исчезал мгновенно.
Властвовал теперь над нами
Разум,
А опыт
нас на прочность проверял...
В этом мире
Все давно испытано, изведено,
Златоусты все уже сказать до нас
Успели...

Шло время... Наш разум мирился с чувствами,
И каждый знал свое место:
И мудрец
И глупец...

Перевод автора

Есть дворы, что мне не знакомы...

Есть тропинки, что мне не знакомы,
Есть дворы, что прячутся от моего взора.
Там обитают неизвестные мне,
Появились они там ни вчера и не сегодня...
Они не выходят из своих домов – ракушек,
Окутанных некоей тайной.

Их лица – мне только мерещатся...
Может быть, то, что порой нам кажется явью,
Им снится и денно, и ночью?..
Их не видно там, где обычно многолюдно,
Ни на похоронах, ни на свадьбах...

О чем они сожалеют? И о чем мечтают?
Мне невдомек... У них свой мир,
Свой взгляд на все...
Пути наши нигде не пересекаются,
Их ворота закрыты наглухо.
Там тишина пугающая. И следы забвения...
И память о тех, кто впал в беспомыслие...

Есть дворы – тупики, скрытые от моего взора,
Оставшиеся где-то там,
За зыбкой гранью моих мыслей.
Там обитают те, что мне только мерещатся,

Туда ведут лишь следы забвения...
Есть тропинки, что мне не знакомы,
Есть дворы, что скрыты
От моего взора...

Перевод автора

Сухум. Воскресный день...

Улицы пусты. Пусты дома...
Между небом и землей – я одинок...
Дождь, как привидение, –
Оцепенело, глядят друг на друга
Улицы, дома...
Все, что тоскливо и бестолково–
Пусто,
Улицы устало ждут чего-то...
Дождь пришел,
Словно из тысячелетней небыли.
Оцепенелый безжизненный взгляд
Домов...
Ни смеха, ни воплей.
Все поглотила пустота...
И – ни души вокруг.
В душе –
Тревога, страх,
И пустота...

Я не пойму,
Куда уходят люди,
Когда приходит дождь,
Как привидение?...
День исчезнет в беспамятстве,

Как мифическая птица, –
Безликий, безымянный
День...

Ничего, что остаюсь я наедине
С собой.

Пойду по Сухуму,
Раскрыв свой старый
Черный зонт...

Видать, надолго закралось
Ненастье в душу,
Все очевидное погружено
В Омут Беспамятства...
Я буду идти по Сухуму,
Не спеша,
Сопровождаемый
Оцепенелыми взглядами
Домов...
Одиночество Тишины...

Нет жизни. Но нет и смертей.
Вокруг безлюдно.
Властвует безмолвие.
Когда же оживут дома...
Когда же?..
Когда же прояснится
День в моей душе?..

Сухум. Воскресный день.
Приходит дождь,
Нежданно,
Как привидение...

Перевод автора

Дыханием рассвета
Спасительного
Дышит моя строка.
И когда наступает
Предел терпения,
Умиротворяет тихое потрескивание
Набухших у очага
Зерен...
И стих мой – словно градусник,
По нему я сверяю мыслей
И чувств накал.
...До самого рассвета,
Как глухонемой,
Пытаюсь уловить странный отголосок
Умершего языка...
И мысль случайная,
Словно метеор непредсказуемый,
Мелькнет и угаснет
В ночи.
А там, за воротами глухими, я слышу
Мольбы странников,
Просящих прощения грехов...
Дыхание рассвета
Спасительного
Будит мертвую зыбь.

И когда-нибудь,
Когда наступит Предел
Терпения, я смерть приму
На зыбкой грани
Дня и Ночи...

Перевод автора

И недоверие, как суровая зима...

Разбили нас – как колоду карт!

Марина Цветаева

...Одной болью, одной мыслью
Мы жили, деля поровну
Последнюю лепешку,
Мы шли, прорываясь сквозь толщу
Извечных снегов...
И неужто забыли мы о муках, испытаниях,
Примиривших нас с превратностями
Судьбы?..
Неужто, вот так растауются
Люди и Время?..
Неужто, вот так расходятся
Разделившие очажную цепь?..¹⁹
И вот так теряем друг друга ...
И пустота – вокруг,
Молчат, молчат, молчат
Мои друзья уж столько лет,
Слишком рано
Остыл жар моих слов...
Строка моя безмолствует...

¹⁹ Очажная цепь – соединенные металлические звенья над очагом. По абхазской традиции цепь делили родные братья, отделяясь от отцовского дома.

И в потемках души
На сто тропинок расплзается
Мой Путь...
И недоверие между нами,
Как суровая зима...
И не перекликаются наши голоса,
Как раньше, –
Вот так Отчизна теряет
Сыновей, –
И боль утрат смягчить
Не в силах Время...
Вот так столетия
И люди уходят
В Небытие...

Перевод автора

Кто мне скажет?..

Напрасно люди ратуют за власть,
Ломают копья,
Чтоб добиться трона.
Наш мир все это помнит,
И ко всему привык,
Это только мы порой
В беспамятство впадаем...
Венец, добытый кровью...
Долговечен ли он?
Две жизни прожить
Не дано никому.
Лестью и обманом
Продлить себе жизнь
Мы пытаемся напрасно...
Напрасно...
Кто мне скажет?
О чем же спорят люди?
И что не могут поделить
Государи?
Но глас мой они, увы,
Не услышат,
Лишь до нищих
И обездоленных
Дойдет мой глас...

Трон останется вновь нетронутым,
Неприкосновенным будет
Венец...
Государи уйдут в небытие...
Но уже другие
Ломают копья...
Кто мне скажет, кто?
В чем смысл наших
Извечных споров?

И столкновений
На Ристалище веков?..

Перевод автора

Ночной диалог

Мрак ночи поглощает

Дневные пересуды...

Вот, в одиночку, как заблудшие,
 себя не помня,

Возвращаются люди

 к своим домам – пристанищам.

Дневная бестолочь

И хаос звуков уходят

В бездну...

– Ты не забыл включить свет на балконе?

– Да, не тревожься, милая, включил...

– Наш бычок не вернулся. Не забрел ли куда-то?

– Спи, милая... Я давно загнал его в коровник...

Потом – тишина.

Безмолвие – верный спутник

Ночи.

Еще недолго

И заголосят

Петухи...

Дом вслушивается

В безмолвие ночи,

Словно пытаюсь разгадать

Чье-то чудотворство...

– А ты не забыла, милая, пришить пуговицу
к моей рубашке?

– Эх, зашила я, однако! Не успела...

– Не тревожься! Успеешь завтра, спозаранку!

Пора бы уснуть... Вот рассвет уже брезжится...

– А я ж тебя просила, милый,
сухих дровишек наготовить
для огня?

– Нарубил я дров. Нарубил.

Эх, прикорнуть бы чуть-чуть...

Чуть забрезжит рассвет.

Вновь займутся делами они.

Их ждет за порогом

Тьма нескончаемых дел.

Канула в бездну бестолочь

Прошедших годов.

Листья срываются с веток,

Как слезы безмолвия ночей...

Там, за окном, тихо стонет ветер,

Будоража рассвет.

О, господи! Когда же ты дашь отдохнуть

Бедолагам!..

Еще недолго –

и заголосят петухи!..

Перевод автора

Ты идешь путем тернистым, брат!

Памяти писателя Даура Зантария

Ты идешь путем тернистым, брат,
Перекинув через плечо суму свою переметную...
– Передохни чуть-чуть, мой брат... присядь!
Пойми, и мне уже некому исповедаться, увы...
Порой теряю я тебя в московской кутерьме,
Чудится мне, словно борода твоя побелела от

ВЬЮГИ.

– Присядь, Даур! Передохни чуть-чуть!..
Давай, как прежде поговорим по душам...
Говоришь с хрипотцой. Муть – во взгляде твоём.
Пепел мыслей своих роняешь ты в трубку...
А недавно снилось мне: шел ты по шаткому мосту,
И взгляд твой вопрошал:
«Ну, что ж, ты не поможешь?»
Просыпаюсь.
Спросонок, я вижу тебя где-то вдали,
У перелеска...
Тебя, стремящегося куда-то в неизвестность.
Перекинув через плечо суму свою переметную,
Идешь по тропинке беспокойным шагом.
– Передохни, мой брат, поговорим чуть-чуть...
Как когда-то в молодости на «Амре»...²⁰

²⁰ «Амра» (ударение на первом слоге) – терраса на втором этаже богемного Сухумского ресторана на море.

Годы будут идти вдогонку друг другу,
Но все вернется на круги своя...
Все вернется в прежнее (золотое) русло,
Муть сомнений осядет на дно...
«Улягутся страсти... Все утихомирится...» –
Так человек побеждает тоску.
На дно кувшина оседает густота,
Чтоб благоухал молодого вина аромат...
И вечный мир (вселенная) все перемолит,
Как исполинский жернов...
И когда-нибудь мы освободимся,
как от мрака пещерного,
От фальши, лжи и предрассудков.
Земля-обитель наша мгновениями
Содрогается от пошлости... и ужасов.
И все чужеродное она стряхивает с себя,
Все, что наслоилось веками...

«Уляжется все... все утихомирится...»,
И вмиг разверзнется бездна небес.
...И годы будут идти вдогонку друг другу,
Но все вернется на круги своя...

Перевод автора

Дневник молчания

Сухум. Новый Год.
Стакан изабеллы.
Стакан, позолоченный
Алой зарей...
Круглый Год Молчания.
Глубокий вздох,
Долготой в целый год...
От памяти неизбывной –
Зеленая веточка елки...

Тамыш. Новый Год.
Стакан изабеллы...
От памяти неизбывной –
В камине не угасшая головешка...
Тамыш. Новый Год...
Голоса зовущих,
Которые невозможно вспомнить...
Сухум. Тамыш... Тамыш. Сухум...

Прошлое, устремленное
В Будущее...
Вопросительные знаки,
Глядящие в ночь
Хищными птичьими взглядами...

Сухум. Тамыш.
Тамыш. Сухум.
Молчание долгою в год.
Глубокий вздох,
Долгою в год.

Сухум. Тамыш.
Тамыш. Сухум.
Разорванные времена.
Разорванные судьбы.
Новый Год .
Глоток изабеллы.
Глоток вечерней зари.

Новый Год...
От памяти неизбывной –
Зеленая веточка елки.
Голоса зовущих,
Которые невозможно
Вспомнить.
Черты лица,
Давно позабытые...
Сухум. Тамыш.
Тамыш. Сухум...
Дневник
Молчания
Долгою

В год...
Дневник политый,
Глотком вечерней
Зари...

Сухум–Тамыш, 2007 г.

Перевод автора

Поэт трагической судьбы

Саида Делба – поэт, как говорится, милостью Божьей! В ее стихах пульсируют чувства и страсти, роднящие нас с первозданностью самой природы. Познавая себя, она познает мир, не переставая удивляться его великим таинствам. В то же время иррациональность и мистицизм богатейшего мироощущения поэта вносят совершенно естественную, но качественно новую тональность в абхазскую лирику. Она могла на редкость тонченно передать противоречивость своего душевного состояния в двустишиях, трехстишиях, в незавершенных белых стихах и в стихах классического образца. Но при этом чувствуется, что стиль, форма, ритм ее произведений диктовались сиюминутностью ее глубоких переживаний, наитием и озарениями. Энергетика ее ярких, многозначных образов и символов способна передавать читателю очистительное эмоциональное напряжение. В этом, видимо, сила ее лирики, ее поэтической исповеди.

Саида Делба – поэт трагической судьбы. Она погибла на Восточном фронте, спасая раненых бойцов, защищавших Абхазию от грузинских оккупантов. Она – поэт-герой, положившая свою молодую и беспокойную жизнь на алтарь свободы. Однако тема жизни и смерти, смысла жизни

и самопожертвования стала главенствовать в ее творчестве еще задолго до войны, как бы предвосхищая ее безвременный уход и ее бессмертие.

Жаль, что перевод не в состоянии передать подлинного обаяния стихов Саиды, притягательности и красоты ее фонтанирующего словотворчества. Жаль, что художественные проблески порой в переводе звучат как нечто привычное. Но хотелось бы надеяться, что читатель не осудит за предлагаемый нами обычный литературный уровень переводов стихов замечательного абхазского поэта.

Владимир Зантариа

САИДА ДЕЛБА

* * *

Дорога пуста и пустынна.
Возвращается последний,
Войной обессиленный воин...
Пустынно Небо,
Дня рождения своего
Не помнящее...

И напоследок,
Лишь птичий след уследит
За выстрелом неба-громовержца...

Обеззвучена песня,
Потрясая мир когда-то.
Грешник, где ты песню мою схоронил?..
Я опустела, прежде чем сгореть, –
Я, чье сердце полыхало
В огне страстей когда-то...

Я, выхватить успевшая
пучок цветов горящих
Из пламени веков...

Дорога, ты пуста, пустынна...
Дорога, согбенна ты как старец!
Призрак чей-то я вижу...
Век тому назад явившись взору моему,
Он выплыл вдруг сейчас
Из мглы моих ночей...

* * *

С неба срывались звезды
И падали медленно в Ночь...
Словно боясь не успеть за смертью,
Облака торопились куда-то...

Если б Земля прервала свое вращение,
Хотя бы на одно мгновение, –
Она б покончила с собой,
Испытав ко всему отвращение...

* * *

Уходят раньше – равнодушные,
Позже – те, кого одолела боль души...

* * *

Человек должен жить
Во множественном числе...
Когда он одинок,
Невозможно понять:
– Есть он или нет его?..

* * *

Гнет спину человек
Под тяжелой ношей гнева...
Вот так стремится он
 проклятий
 избежать...

* * *

Как много меня в каждом Времени!
Бесконечностью, словно шалью,
Укутала я себя...

Кто знает:
Сколько раз мы уйдем?..
Сколько раз мы вернемся?..

Я глаголю голосом Чужого,
Я повторяю слова Неизвестного!

Перед смертью

Свечу зажгут перед смертью моей,
Теперь я – ровесница мертвых.
Я хотела б уйти с именем твоим
На устах.
Я хотела б уйти в мир иной
С тревогой о тебе...
Ты – хранитель души моей
Беспокойной!

Весна ждала тишины...

О, как ты отяжелел в тот миг:
Гнули спины цветы, возвышая тебя!

Зажгут свечу перед уходом моим
В небытие...

Я помнила Тебя...

* * *

Меняют след, меняют облик времена...
Тленно все, что зримо и незримо,
Но хранят столетия – Имена!..

* * *

Небо не нашло в себе силы
Выразить свою скрытую боль
И оно лишилось еще одной звезды,
Сгоревшей в огне своих переживаний...

* * *

Нет, ничто не исчезнет бесследно,
Пустоте не дано превратиться в Ничто.
О, как коварен соблазн самовнушения!..
Незыблем прежний порядок вещей.
Нет, ничто не исчезнет бесследно,
Никто не в силах замести следы...
Это меня, потерянную, ищут мои же следы...

* * *

Забыла все, о чем совсем не думала...
Нет, не я жила на белом свете до сих пор, –
Не я жила, –
А жили только звезды...

* * *

Если обнажу я боль свою щемящую,
Вмиг земля забудет о своих тревогах...
Но треволнения и боли мои
Заглушены песнями.
И не видно следов страданий моих
И мучений...
Если б чувствовать могла я
Волшебные звуки дождя,
Я создала б Песню Дождя
На этой священной Земле...

Но – нищенка я...
Задушила я Солнце руками своими,
Взобравшись на холм...
И там же схоронила его...

Я не знаю, как мне грешной быть теперь?
Не ругай меня, Ночь!
Ты заметила, Ночь, как за день
 преобразились деревья?..
Весь день своей влагой они упивались!
Я у порога стою твоего, не решаясь войти,
Я нищая странница, Ночь!..

* * *

Я ломаю застенки души,
Я к желанной свободе стремлюсь!
...А кровь как брызнет однажды из вен моих,
Я ею жажду свою утолю!

Я пройду сквозь преграду любую,
И камня шершавого обломки
Прижму к груди...
Окровавлены руки, крутизну одолеть
Я тщусь, камнепад мне не страшен...
А крови в жилах хватит на то,
Чтобы жажду свою утолить ненадолго!
Где же кончается эта стена?
Где же грань ее неприступности?..

Я молчу, я стараюсь про жажду забыть,
Чтобы крови последнюю каплю
Сберечь, сохранить...

* * *

Прохожий вдруг уронил свои пальцы
На землю...
Вдруг – вот чудо! –
Из пальцев человеческих
Выросли деревца!..

А жизнь эфемерна...
Она – что пенка водяная...

* * *

Они вошли в мой дом –
Лишенный света,
Мне за ними следовать велев!

Ни в чем, ни в чем я больше не повинна,
В вине единственной призналась я давно!..
А тот, кого люблю, меня заметив,
И вдруг поверив волшебству любви,
Себе на шею он меня повесил,
Словно цепочку золотую...

И перед рассветом сединою
Покрылась
Голова
Моя...

* * *

Там, далеко, на глади морской,
Где ничто не цвело никогда,
Вдруг цветы так ярко зацвели!

Доносился щемящий душу клекот
Чаяк, так скучавших по морю...
Я плакала, истосковавшись по весне,
Был наполнен стакан дыханием моим...

Подозрительным светом светила луна...

Напрасно, напрасно взгрустнуло ты небо, –
Об ушедших надо бы сейчас грустить...

* * *

Да, живем мы тревогами Дня.
Души Дней и Ночей воедино слились...
Перед расставанием их души слились...
Мы слишком тяжелы и неуклюжи,
Дням пасмурным тяжесть наша
Не под спуд...
И дни оставляют нас самих
В наследство Ночей грядущих...
И держим мы путь в неизвестность...
Мы крылья расправить не в силах,
Тяжесть Дня уходящего
Нам не под спуд...

* * *

Неба осколочки
В море уронены...
Кто знает, сколько мне лет?..
С самим собой, беседея тихо,
Ты должен долго идти...
Кто знает, куда тебя выведет
Раздумий твоих
Размотанный клубок?..

* * *

Дьяволы, предав меня огню,
Сидят, мой прах, рассыпав пред собою,
Не зная, что вменить мне в вину теперь...

* * *

Он ушел, оставив отзвуки шагов...
Мне отзвуки шагов оставив – удалился.
И я ушла из дома, услышав чей-то зов,
Мой дух с земным безбрежьем слился...

Роняю я цветы в безбрежность голубую,
И горькую слезу, и капли дождевые...

* * *

Я утром ранним смех свой расплескала
Ненароком...
Смерть, прерви свой шаг
На зыбкой грани Дня и Ночи!
Я не отошла еще от страха,
Что ты успела мне
Внушить...

* * *

Я когда-то собирала здесь
Цветы...
Вы забыли меня...
И с солнцем этим была я знакома,
Что ни день вспоминала Тебя!
Произносила имя Твое, как молитву.
И тропинка вела к роднику...

Но я поменяла свое пристанище.
И вы забыли меня.
«Ушла в мир иной...»,
Так со мной попрощались,
Убежище мое последнее, цветами обрив...
Потом прохожие цветы отсюда брали,
Чтоб ими себе места отгородить навеки...

Ах, как помнила имя Твое,
Но за гранью той, зыбкой – забыла!
Оттуда, с того берега гулкий зов доносился,
И я отвечала, чтобы Он увидел меня...

Стучали потом жернова. Я за ними следила.
Так странно небеса над нами нависали...
И наполнялось пустое пространство – голосами
Таинственными...

И в мыслях зияла бездна,
где покоились кони искрометные...

И оставаясь там, за гранью Небытия,
Я помнила Тебя!..

* * *

Клокотал во мне водопад. День бурлил во мне...

Завтра мне, человеку одинокому,
перевалит за век...

Белому морю грезятся белые паруса...

Я пережила день,
Я пережила ночь.

Я безмолвно думала о любви своей,
Которая завтра перевалит за век...

* * *

Вы не тревожьтесь за меня,
Я уйду – в ночь,
Тишайшими шагами ...
На чей-то зов – не отзовусь...
Я три наперстка воды
Через сито души пропущу.
Три пригоршни воды
Я сама освящу!
Мне навстречу идущего
Не чувствую я...
Но дыхание чье-то холодное
Все ищет меня...
Кто-то ходит за мною,
До утра... до утра...
Три наперстка воды
Для тебя сберегла!

Чтобы вечную жажду твою
Утолить!
Чтоб водою священной
Тебя окропить!

* * *

За той дорогой жизни нет давно,
Огню угасшему вновь вспыхнуть не дано.
Мои мечты остались вон за той чертой...
Приют мой вечный – безмятежность и покой.

За той чертой гнетет меня тоска,
Сжигает душу боль. Душа тонка.
За той дорогой взгляд судьбы суров.
Огню угасшему, увы, не вспыхнуть вновь...

Содержание

И остовы погибших кораблей.....	3
По старому следу арбы.....	4
«С Мамзышки свежий ветер дул...».....	5
Тень покойного деда.....	6
Забывтое слово.....	9

Швейцарские мотивы

В безбрежье памяти моей.....	10
Средь шумных, древних городов.....	11
«Вином я черным опьянен...».....	12
Луна и кони.....	13
Округлы и тяжки.....	15
Пицунда.....	16
«Летит в холодной мгле ночной...».....	17
Дад, осторожней! Дад, не сорвись!.....	18
«Словно листьям, опавшим на смену...».....	20
«Сейчас» – «потом».....	21
«Я был беспомощен...».....	22
Когда-нибудь.....	23
Когда наши дни безмятежны.....	24
«Пришел он однажды...».....	25
«Все прошло. Над бездной речи...».....	26
Нет, не умирает человек.....	27

«Петитом в рамке...».....	28
«Зори, зори Амзары...».....	29
«Так ясен неба лик...».....	30
Сокровенное.....	31
Еще плывет пятнистая форель.....	33
Гость.....	34
«Пойду за волною...».....	36
Бабушка.....	38
«Родник в горах – вот мое сердце...».....	40
«Словно пустующие багеты...».....	41
Забудусь – и видится: мост над Кодором.....	42
Непрерванный полет стрелы.....	45
«Солнце, отсияв на небосклоне...».....	46
Шел снег.....	48
Память глубока – не войти.....	49
Апсарская башня.....	50
«С утра хандрю. Не веселит волна...».....	52
«Отсюда все вокруг – как на ладони...».....	53
Песня.....	55
За окном всю ночь проплакал ветер.....	56
Как тягостно ни плакать, ни молиться.....	57
Мой черно-белый мир.....	58
У синей Рицы.....	60
Памяти Владислава Ардзинба.....	62
Лучи воспоминаний.....	64
 На зыбкой грани дня и ночи	
Отголоски ночной тишины.....	66
У могилы поэта.....	68

На зыбкой грани дня и ночи.....	72
«Когда уже прожито полжизни...».....	74
Молчание братьев.....	76
«Все окутано тайной в этом мире...».....	78
Словно прося отпущения грехов.....	80
«Однажды вечером, сидя на балконе...».....	82
Старый колодец.....	83
«В этом мире все было испытано...».....	84
Есть дворы, что мне не знакомы.....	86
Сухум. Воскресный день.....	88
«Дыханием рассвета...».....	91
И недоверие, как суровая зима.....	93
Кто мне скажет?.....	95
Ночной диалог.....	97
Ты идешь путем тернистым, брат!.....	99
«Годы будут идти вдогонку друг другу...».....	102
Дневник молчания.....	103
Поэт трагической судьбы.....	106

Саида Делба

«Дорога пуста и пустынна...».....	108
«С неба срывались звезды...».....	110
«Уходят раньше – равнодушные...».....	111
«Человек должен жить...».....	112
«Гнет спину человек...».....	113
«Как много меня в каждом Времени!.....	114
Перед смертью.....	115
«Меняют след, меняют облик времена...».....	116
«Небо не нашло в себе силы...».....	117

«Нет, ничто не исчезнет бесследно...».....	118
«Забыла все, о чем совсем не думала...».....	119
«Если обнажу я боль свою щемящую...».....	120
Я нищая странница, Ночь!.....	121
«Я ломаю застенки души...».....	123
«Прохожий вдруг уронил свои пальцы...».....	124
«Они вошли в мой дом...».....	125
«Там, далеко, на глади морской...».....	126
«Да, живем мы тревогами Дня...».....	127
«Неба осколочки...».....	128
«Дьяволы, предав меня огню...».....	129
«Он ушел, оставив отзвуки шагов...».....	130
«Я утром ранним смех свой расплескала...».....	131
«Я когда-то собирала здесь...».....	132
«Клокотал во мне водопад...».....	134
«Вы не тревожьтесь за меня...».....	135
«За той дорогой жизни нет давно...».....	136

Владимир Константинович Зантариа

**И мир оскудеет,
когда мы уйдем...**

Стихотворения. Переводы

Редактор, корректор *С. Цвинария*
Художник *Р. Габлиа*
Верстка *Н. Картозиа*

Формат 70x100 $\frac{1}{32}$. Тираж 300.
Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,8.
Заказ №

